

Валерий Мартиненко

(1955–2021)

УСЛЫШАТЬ В МИРЕ ТИШИНУ

* * *

Я не верю в легкую удачу
И победы легкой не ищу.
У судьбы я милости не клянчу,
Что ко мне жестока – не ропщу.

Все как есть спокойно принимаю:
Свежесть утра, суматоху дня.
И никто, я это понимаю,
Жизнь прожить не сможет за меня.

И какой бы сладкой ни казалась,
И какой бы горькой ни была,
Жизнь, как наказание за шалость,
Отбываю в темноте угла.

Тороплюсь подольше в ней остаться
И спешу, пока зеленый свет,
Майскою сиренью надыхаться
И до дна испить любовный бред.

Соловьи мне душу растревожат,
Чем-то был я с ними заодно:
Песнею тоскливою, быть может,
Что звучала тихо за вином.

А когда навалится усталость,
Как медведь, облапав по бокам,
Раздарю все то, что причиталось, –
Быть счастливым мне наверняка...

Дорогое самое припрячу
В памяти своей, на самом дне.
Я не верю в легкую удачу –
Часто изменяла она мне.

* * *

Поживу еще немного, проживу.
Упаду, как перед Богом, на траву.
В голубое небо загляну
И услышу в мире тишину.

Подышу дождем и ветром, подышу.
Подождать хоть до рассвета попрошу.
Я сумею расплатиться, я смогу,
Не останусь ни в накладе, ни в долгу.

Погрущу о том, что было, погрущу.
На судьбу, что не любила, не ропщу.
Знаю я, что от неё не убегу,
Но такой не пожелаю и врагу.

Помолчу, чтоб не взорваться, помолчу.
И утраты все оплачу, оплачу.
И забудусь на мгновенье, и замру,
Только вспомню, что исчезну, что умру.

Закричу, как в страшном сне я, крикну.
Что с тобою расставаться не хочу!
Долюбить бы мне и в том огне сгореть.
А с любовью – это как же, умереть?

Напишу еще хоть строчку, напишу.
Я в конце поставить точку не спешу.
Мне хотя бы то, что начал – то допеть.
Всё отдам, что только нажил, чтоб успеть.

А потом, когда опустится рука,
Одинокая останется строка:
Что любил, что ненавидел, что грустил,
Только жаль, что так недолго погостил.

* * *

Я как будто вышел из осени,
Взяв дожди ее и ветра.
Мне, наверное, свыше послано
Столько золота и серебра.

Столько нежности, вечной мудрости
Дарит мне журавлиный клин,
Я из осени – не из юности,
И во мне грустят журавли.

От пожара дикой смородины
Согреваюсь назло ветрам.
Я не странник и не юродивый,
Только в лес захожу, как в храм.

Там сквозит покоем, молчанием
Паутинная тишина.
Осень – это всегда прощание,
Встречи – это всегда весна.

Вороньём озорным расколот
Мир коротких, печальных грёз.
Ощущаю колючий холод,
Прикасаясь к снегам берёз.

Доброте я учусь у осени
И высокой любви земной.
Пусть забыли меня, пусть бросили –
Осень рядом грустит со мной.

* * *

Ты пришла, как сон,
А наутро ночь
Тучею ворон
Улетала прочь.

Помню, целовал
Губы и глаза,
Всё берёг слова,
Да не смог сказать.

Я тебя ласкал,
Пил любви дурман.
По тебе тоска
Хуже, чем чума.

В золоте волос
Утонул, пропал.
Что-то всё сплелось.
Спал или не спал?

Словно крыльев взмах,
Задрожал, затих
На моих губах
Запах губ твоих.

Сон был или явь,
Сказка или быль?
Только вспомнил я
Всё, о чем забыл.

Сон исчез, как дым,
Ты была или нет?
За окном моим
День зажег рассвет.

Облепил кусты
Воробьиный хор.
И осталась ты
Запахом духов.

* * *

Тише, когда умру.
Федерико Гарсиа Лорка

Как мало в мире тишины,
Безумно мало!
От диких ужасов войны –
Почти не стало.

Как человека ее бьют
И убивают,
За деньги оптом продают –
И так бывает.

Забилась в угол тишина,
Дрожит от страха.
За то, что скрытна и скромна –
Грозят ей плахой.

Полно врагов у тишины,
Друзей – немного.

И потому глаза грустны,
В них боль, тревога.

И величава, и нежна,
Стоит, немая.
Теплом ласкает нас она,
Как солнце в мае.

Её, устав от жизни, пьём
Взахлёб, глотками.
Я слышал, как она поет
В ночи сверчками.

Когда я жизнь допью до дна –
За то ручаюсь –
Меня обнимет тишина
Своим молчаньем.

В неё нырну, как в забытьё,
Как в глубь подвала.
Мне в грешной жизни так её
Недоставало.

Осенний дождь печаль прольёт,
Стуча по крыше,
Как колыбельную, споёт
Всё тише, тише.

* * *

Я никогда не прячусь от дождя,
К нему, как в детстве, я бегу навстречу.
Его встречаю, руки разведя,
Он, как и я, печален и доверчив.

После него так дышится свежо,
Сверкает мир, как новая монета.
Я музыкой дождя заморожен,
Но я сегодня вовсе не об этом.

Что наша жизнь?
Цена ей – медный грош.

Мы в мир приходим
добрый след оставить.

А в мире рядом с правдой
ходит ложь,

Добро и зло воюют неустанно.

Кто знает, что нас ждёт там, впереди?
У каждого свой путь,
свой крест и жребий.

Одни приходят, чтобы наследить,
Другие – строить и сажать деревья.

Смывает дождь и пятна, и следы,
И даже птицы чистят перья в лужах.
Я дождь прошу не пожалеть воды,
Отмыть от грязи человечьи души.

Людская боль меня приводит в дрожь,
А ненависть и злоба с ног сбивают.
Хочу, чтоб стали добрыми, как дождь,
Все те, кто грубым словом убивают.

О «завтра» мысли сердце бережат,
На всё пришла иная нынче мода.
Учиться б нам у снега, у дождя
И жить всегда в согласии с природой.

Мне б снова стать мальчишкой,
и раздеться,
И броситься под дождь в далёкий мир.
И снова
дождь приходит к нам из детства,
Чтоб ненадолго сделать нас детьми.

РОДНИК

*Памяти моего учителя, поэта
Константина Деркаченко*

Здесь жил поэт, здесь он творил стихи,
Смотрел в окно на клён позолоченный.
Писал о добрых людях и плохих
И жил не так, как в сказке кот учёный.

Ломала жизнь не раз его, не два.
Жестокие судьба написала строки.
А он к людским сердцам искал слова
И находил их мудрые истоки.

Пылало сердце и любило жизнь.
Он нёс добро в протянутых ладонях.
Ушёл достойно, не поддавшись лжи,
Оставив нам родник с живой водою.

Порою жизнь страшнее, чем в аду,
Тяжелым грузом давит мне на плечи.
Я к роднику губами припаду
И чувствую – становится мне легче.

Струится звонкий, чистый ручеек.
Добром и светом души наполняет.
В нём жизнь и продолжение её...
Не верьте, что поэты умирают!

* * *

Что-то мне разонравился
Лютый месяц февраль.
Говорю не от зависти –
Просто мне его жаль.

Что раскис, словно девица,
Так, что с крыши капель.
Верить бы – да не верится,
Что зимою – апрель.

Может, что-то разладилось
В механизме зимы,
Может, просто расслабилась
От такой кутерьмы.

Может, злиться устала
И решила добреть,
Чтоб хоть кто-то под старость
Словом мог обогреть.

За мохнатыми соснами
Скрылся день озорной,
Ночь глазами раскосыми
Загляделась в окно.

Обниму тебя, сонную,
Скрыть не в силах печаль...
Там, за далью оконною,
Тихо плачет февраль.

* * *

Налетели нежданно метели,
Тонкой скрипкой запели в ночи –
То хозяйка заботливо стелет
Покрывало из белой парчи.

Развеселая это работа –
Наряжать в соболя белый свет,
Разукрасить в румянец кого-то.
Забелить на крыльце чей-то след.

Зазывает в поля первопуток
Чистотой перевозданной своей.
Бьют копытами кони, как будто
Черт заплел вьюгу в гривы коней.

Заждались бубенцы заливные,
Вспоминая забытые дни.
Как горят на снегу пристяжные!
Сыплет яблоки в снег коренник!

От мороза закат светло-розов.
Брошусь в сани, прервав сон вожжей.
Полечу – там заждались березы,
Что-то грустно без них на душе...

* * *

В сонном тумане запутался свет,
Как в паутине.
Жизнь озадачит и спросит ответ
Неотвратимо.

Жил для чего, для кого и зачем
Спорил и клялся,
Словно веселых весенних грачей,
Ставил ей кляксы?

В розовых снах неумелой рукой
Штопал заплаты.
Мы за обещанный снами покой
Дорого платим.
В бешеном ритме ломаем и бьем
Головы, руки,

Совесьть теряем, найдя – устаем
Брать на поруки.

Ложь затаилась на ложе любви.
Зябко и зыбко.

Душу не мучай и сердце не рви –
Вышла ошибка.

Поздно я понял, паря в облаках,
Что неизменно
Жизнь пролетит, как урок без звонка
На перемену.

Каждому свой в ней и угол, и срок
 Вне расписанья.
 Жизнь наша – только короткий урок
 Чистописанья.
 Новой тетради, хоть плачь, не начать,
 В линию, в клетку.
 Кончилась... Всё... В изголовье свеча
 Вместо отметки.

* * *

Хмурит небо брови на закате.
 Затекает смуту воронье.
 Постелила золотую скатерть
 Осень на мое житье-бытье.

И меня не обошла печалью:
 Забелила инеем виски.
 Если б знать, о чем вчера кричали
 Лебеди на озере тоски?

Не спеша распутаю курьезы.
 Разберусь – что, как и почему.
 Только вот о чем грустят березы –
 Никогда, наверно, не пойму.

У костра шиповника застыну,
 Онемев от зябкой тишины.
 Вдруг припомню красную рябину,
 Что горит в саду и видит сны.

Снилось мне, как бронзовые лоси,
 Словно чуя близкого врага,
 Через поле, где резвится осень,
 Уносили солнце на рогах.

* * *

Разбудили сонную округу
 Утренним бельканто петухи,
 Словно песню по большому кругу
 Запустили, позабыв стихи.

Не скрывая радости и грусти
 От случайных городских людей,
 Со двора походкой важной гуси
 В красных сапожках пошли к воде.

Русским духом пахнет от деревни
 И парным душистым молоком,
 Миром и таинственным, и древним
 И покоем испокон веков.

Пыльные полынные дороги,
 Видели, как птицы с высоты,
 Странников, юродивых, убогих
 С лицами и душами святых.

Русская деревня! Мать родная!
 Нянька и кормилица страны!
 Расскажи, о чем ты вспоминаешь
 И какие нынче видишь сны?

Под гармонь ты пела и плясала
 И сейчас и пляшешь, и поешь.
 Скольких ты от горьких бед спасала,
 Скольких еще, милая, спасешь?!

Речка, поле,
 синь на всю Россию!
 Маленьких церквушек купола,
 На века крестами закрестили
 Боль твою, чтоб только ты жила.

Розовый закат сомкнул ресницы,
 Тихо звезды падают в траву.
 Спит деревня, только мне не спится:
 В сена стог сверчки меня зовут.

По весне, в одно из воскресений,
 Когда буйно задымит сирень,
 Я приеду в край, где жил Есенин,
 Слушать песни русских деревень.

* * *

Загрустил, затуманился
 Месяц в ветках берез.
 Видно, крепко намаялся
 Жать серпом поле звезд.

Нет ни ветра, ни шороха
 В камышах у реки.
 Только редкие сполохи
 В ней полощут платки.

Тишиной полоненная,
В стог склоняюсь головой,
Дремлет даль, опьяненная
Богородской травой.

Может снится ей, грезится,
Как, от пчел убежав,
Ест Большая Медведица
Лапой мед из ковша.

Выйду в ночь за околицу
Зерна звезд собирать.
Мне сверчками бессонница
Будет петь до утра.

Сны светло и загадочно
В травы слезы прольют.
Оглушит небо празднично
Петушинный салют.

* * *

Не могу, понимаете, спать,
Если рядом страдает природа.

И. Уткин

Звезд напало за ночь

и в речку, и в пруд,

И в открытый колодец, как в душу.
Припаду головой на бревенчатый сруб
Разговор их негромкий подслушать.

Есть граница у страха, у боли – предел.
И в слепую, бездонную полночь,
Замерзая в холодной колючей воде,
Звезды плакали, звали на помощь.

Люди спали в домах, люди видели сны,
Безразлично зевали под утро,
Не заметив, что не было звезд и луны –
Всё в порядке, всё в норме как будто.

Мне от детских причуд никуда не уйти.
Кто-то зло посмеется, осудит.

Зачерпнуть бы ведром их,
помочь и спасти –

Да ведро на ночь спрятали люди.

* * *

Обнажилась береза,
Платье сбросил у ног.
Вопреки всем прогнозам
Грусть застигла врасплох.

Кружат осени осы
И дрожат на песке.
Ивы русые косы
Моют в сонной реке.

Не слышать хоровода,
Смолок в лесу птичий гам.
Песни все непогода
Размела по углам.

Заложу в томик Блока
Лист кудрявой ольхи,
Не закладку до срока –
Нотный знак на стихи.

И с тоской журавлиной
Буду долго смотреть,
Как у дома калина
Красит волосы в медь.

* * *

Нарядила в белые одежды
Грешный мир волшебница-зима.
Для кого-то – снег, а мне – надежда
И сплошная пытка для ума.

Почему он белый, а не рыжий,
Тихий, словно ива у воды?
Почему, когда мы стали ближе,
Выпал снег и стер твои следы?

Нет обиды на него, но грустно
Снова вспоминать глаза в глаза,
Как мечтой по жизненному руслу
Снежные скользили паруса.

Лебедью, пречистой голубицей,
Муза мне является чуть свет.
Вот и время с ней мне обручиться,
Ждать тебя – ни сил уже, ни лет.

Снег падал в волосы чуть слышно
И не тает: время петь скворцу.
Это вьюга встретилась – так вышло.
Говорят, что мне она к лицу.

* * *

Тихо летят журавлиные стаи,
Снова листая осеннюю мглу.
С ними я крылья опять обретаю,
Но улететь никуда не могу.

За вдохновенье спасибо вам, птицы,
За откровенье – поклон до земли.
И почему-то влажнеют ресницы,
Когда вдруг слышу: летят журавли.

ОРЕНБУРГСКИЙ ПЛАТОК

Мамину ставлю пластинку
Про оренбургский платок,
Тянется, как паутинка,
Слов задушевных клубок.

Маме он дорог был очень,
Штопаный многожды раз.
Знали бессонные ночи,
Как он излечивал нас.

Снова бы мне в ту беспечность
Детства, в заботливость ту,

В дом наш с лежанкой на печке,
Только без всяких простуд.

Вьюга неистово злилась
И завывала в трубе,
Жалобно так и тоскливо,
Не по моей ли судьбе?

Чтобы не боязно было,
Мама, присевши за стол,
Песни нам пела: любила
Петь про пуховый платок.

Только теперь понимаю
Тихую мамину грусть:
Детство сиротское хмарью
Ей навалилось на грудь.

В зимнюю стужу, под вечер,
Под завывание вьюг,
Маме в холодную вечность
Я эту песню пою...

Мне никогда не согреться,
И на исходе пути
Не излечиться от детства
И от него не уйти.

Крутится диск торопливо,
Светлую память храня.
Мама плакучею ивой
С фото глядит на меня.

